

УДК 161.1:19

ИЗ ИСТОРИИ ЛОГИКИ.

СЕМАНТИКА ОМОНИМИИ В ЛОГИКЕ ПОРФИРИЯ

Гарин С.В.

В статье рассматриваются логико-семантические аспекты теории омонимии в «Категориях» Аристотеля в контексте комментаторской традиции Порфирия. Рассматривается логико-философское учение об омонимии именных и не именных частей речи в древнегреческом языке. Описываются сложности в трактовке терминов «κατηγορία», «ὄνομα», «ῥῆμα». Анализируются логические особенности подходов Порфирия и других комментаторов.

Ключевые слова: история логики, категории, Аристотель, семантика, омонимия, Порфирий, Симпликий.

FROM THE HISTORY OF LOGIC.

SEMANTICS OF HOMONYMY IN PORPHYRY'S LOGIC

Garin S.V.

The article deals with the logical and semantic aspects of the theory of homonyms in Aristotle's "Categories" within the context of Porphyry's commentaries. We consider the logical formation of the doctrine of homonymy of nouns, verbs, and conjunctions in Ancient Greek. We reveal the difficulty in interpreting the terms "κατηγορία", "ὄνομα" and "ῥῆμα". The paper has shed some light on different aspects of Porphyry's logic.

Keywords: history of logic, categories, Aristotle, semantics, homonymy, Porphyry, Simplicius.

Традиционно проблема омонимии и родственных с ней семантических явлений, представленная в «Категориях» Аристотеля, рассматривалась как вводная часть школьной перипатетической логики, т.н. *antepredicamenta*, необходимая для усвоения последующего корпуса текстов «Органона». Учение

об омонимии и синонимии было своеобразным «введением», не имеющим однако прямой связи с категориальной схемой Аристотеля. В связи с этим, уже в комментаторской традиции Порфирия, Симпликия и Боэция поднимался вопрос не только о дидактической связи омонимов и категорий, но и о связи логической, концептуальной.

Следует отметить, что проблема омонимии Аристотеля в ее различных аспектах рассматривалась в фундаментальной работе К. Шилдса [5]. Особенности омонимии в связи с общей проблемой полисемии анализируется в статье Т. Ирвина [3]. Вопросы аргументации «третьего человека» у Платона в связи с эпонимией и омонимией затрагиваются в работе Дж. Малкольма [4]. Теория Спевсиппа, в русле его лингвистического понимания омонимов (перипатетическая классификация имен *ονοματα*), рассматривается наряду с аристотелевским толкованием омонимов в статье Л. Таран [7] и т.д. Хотя проблема омонимии Аристотеля и стала практически классической, комментаторское отражение этой концепции в текстах Порфирия, Симпликия, Боэция, Аммония, Давида и др. еще не получило достаточно внимания ни в отечественной, ни в зарубежной логико-философской мысли.

В комментарии на «Категории» Аристотеля Порфирий, рассматривая проблему (*ἐρώτησις*) об отношении между задачами «Категорий» и тем способом изложения, начинающегося с лингвистических рассуждений о природе омонимов, паронимов, синонимов и др., указывает, что вопрос об омонимичности слов для «Категорий» чрезвычайно важен, так как зачастую категории ошибочно принимаются за то, *омонимами чего они являются*: *Φημί ὅτι ἐπεὶ τὸ ὄν ὁμώνυμον δοκεῖ εἶναι τῷ Ἀριστοτέλει καὶ αἱ κατηγορίαι ὁμώνυμος λέγονται κατηγορίαι καθ' ὧν κατηγοροῦνται, διὰ τοῦτο πρῶτον περὶ τῶν ὁμώνυμων ποιεῖται τὸν λόγον* [1, p. 61]. Сказанное означает, что семантика *κατηγορία* во времена создания классических комментариев на труд Аристотеля вызывала затруднения как среди перипатетиков, так и неоплатоников. Не случайно Порфирий, Аммоний и Симпликий в своих текстах пытались разрешить проблемы (*ἀπορίαι*) связанные, во-первых, с аутентичностью названия

«Категорий» («О десяти родах бытия», или же «О десяти гласах»), самого предмета «Категорий» и вообще того, что понимать под термином «κατηγορία».

Порфирий, будучи одним из пионеров семантики, указывает, что категории, рассмотренные в одноимённом трактате Аристотеля, лишь *обозначают* то, что называется «родами бытия», но как к таковым *онтологическим* родам не относятся. Сложность здесь заключается в том, что «Категории» могут быть интерпретированы тремя разными способами – как *φωναί*, как *νοήματα*, или как *πράγματα*. Когда мы используем термин «κατηγορία» и не отличаем его от того, *что* он обозначает, то, по Порфирию, мы не столько платонизируем перипатетизм (а Порфирий к этому причастен весьма серьезно), сколько *не различаем омонимические элементы языка*. Именно поэтому, по мнению тирского комментатора, Аристотель начал свой труд не с дефиниций первых и вторых сущностей и всего перечня категорий, что было бы естественно, а с весьма неожиданного разъяснения *природы омонимии*. Этот аспект отражен в специальном вопросе «Комментария» Порфирия: *Διὰ τί οὖν ἀπὸ τῶν ὁμωνύμων καὶ οὐκ ἀπὸ τῶν συνωνύμων, εἴπερ τὰ συνώνυμα καὶ ὀνόματος τοῦ αὐτοῦ κοινῶνεῖ καὶ τοῦ λόγου, σαφέστερον δὲ τὸ κατ' ἄμφω κοινῶνοῦν καὶ τοῦ ὀνόματος καὶ τοῦ λόγου τοῦ κατὰ μόνου τοῦ ὀνόματος κοινῶνοῦντος; т.е. «почему он (Аристотель, прим. авт.) начинает с омонимов, а не с синонимов, если синонимия связана и с общим именем и со смыслом...?» [1, р. 60].*

Для ответа на поставленный вопрос, следует отметить, что вообще, Порфирий следует аристотелевской трактовке семантической двухмерности логико-лингвистических объектов: «я утверждаю, что все обладает именем, определением (ὀρισμός), или описанием (υπογραφή)» [1, р. 60]. Таким образом, логические объекты содержат именную, десигнативную компоненту и семантически – дефинитивную, раскрывающую существенные признаки предмета. Говоря в терминах Фреге-Карнапа, мы используем имя и экстенционально-интенциональную определенность признаков предмета,

отражающую его дефинитивные сегменты. Один из комментаторов аристотелевской логики, Боэций уточняет, что «определение (*diffinitio*) раскрывает *суть вещи* через род и видовое отличие, в то время как описание (*descriptio*) просто указывает на нее при помощи общих признаков» [3, р. 38]. Таким образом, различая логико-семантические аспекты слова на именные и десигнативные, мы, следуя Порфирию, можем задать вопрос: Πῶς οὖν ὁ Ἀριστοτέλης ὀρίζει τὰ ὁμώνυμα; Ὁμώνυμα λέγεται, ὧν ἕνα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοῦνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος, т.е. «как же Аристотель определяет омонимы? Слова называются омонимами, когда они имеют *одинаковое имя*, но совершенно разные дефиниции, т.е. существенные свойства» [1, р. 61]. Выражение λόγος τῆς οὐσίας здесь, на наш взгляд, отражает понимание лексически-дефинитивного выражения *сущности*, субстанциальных свойств предмета. Впрочем, вопрос о сущности (νοήματα или πράγματα) чрезвычайно многозначен для понимания в рамках комментирования «Категорий», да и вообще, является одним из краеугольных камней в полемике между перипатетической и неоплатонической логикой.

В следующем вопросе «Комментария» мы видим дистинкцию *области действия* понятия омонимии, которая включает в себя не только *именные части* речи, но и глагольные. Порфирий указывает, что: «но если омонимия существует не только в случае имен, но и глаголов и даже союзов – как, например, в случае ἀνδραποδίζεσθαι, что одновременно означает, «поработить кого-то», так и «быть поработленным кем-то» – так почему же Аристотель, говоря об омонимии, сказал, что это «предметы, которые имеют только общее имя (ἕνα), как если бы омонимия существовала только в случае имен (существительных)?» Ответ: «Потому что имя (ἕνα) относится не только к словам существительным, то есть, к тем, которые сопровождаются артиклями, но и ко всем частям речи...» [1, р. 61].

Пример Порфирия с τῷ ἀνδραποδίζεσθαι ὁμώνυμῳ ὄντι, буквально, «ἀνδραποδίζεσθαι, что есть омоним» [3, р. 41], связан со сложностью, которая заключается в том, что ἠνδραπόδισται «он был поработлен», – это перфект

пассивного / среднего залога, третьего лица единственного числа глагола ἀνδραποδίζω. Слово ἠνδραλόδιται неоднозначно, потому что одновременно может означать либо «он был поработан», если мы трактуем его как глагол в пассивном залоге, или же, если мы трактуем его в качестве среднего залога ἠνδραποδισμένος – «он поработил кого-то другого».

Симпликий, ссылаясь на Боэция, уточняет примеры омонимов, добавляя к уже рассмотренному существительное τὸ κύων: λέγοντες ‘τὸ κύων ὁμώνυμόν ἐστίν’ καὶ ’τὸ ἠνδραλόδιται ὁμώνυμόν ἐστίν. Таким образом, τὸ κύων и τὸ ἠνδραλόδιται приравниваются к одной логико-лингвистической категории. Указание Боэция основано на том, что артикль среднего рода τὸ ставится как перед существительными (τὸ κύων), так и перед инфинитивами глаголов (τὸ ἠνδραλόδιται). Таким образом, наличие артикля не дает грамматического основания для различения частей речи [6, p. 116].

Проблему понимания омонимов в контексте *не именных частей речи* поднимает и Симпликий в комментарии на «Категории», отмечая, почти дословно цитируя Порфирия: «почему Аристотель называет омонимами только те слова у которых только имя (ὄνομα) общее, хотя омонимия применима также к глаголам, как в случае с ἠνδραλόδιται, и к причастиям, как например, ἠνδραποδισμένος, и к союзам?» [2, p. 25].

Для понимания деталей предмета Симпликий описывает многозначность понятия ὄνομα в нескольких его смыслах:

- 1) как обозначение имени собственного (τὸ κύριον);
- 2) как обозначение нарицательного имени (τὸ προσηγορικόν);

3) в качестве общего названия для любых частей речи, как, например, когда мы говорим, что Платон использовал изысканные *имена*, а Ксенофонт-общераспространённые. Описывая указанные нюансы, Симпликий ссылается на дифференциацию Боэция: Βόηθος δὲ διχῶς φησὶν τὸ ὄνομα λέγεσθαι, τό τε πρόταξιν ἄρθρου λαμβάνον, ὃ καὶ ἰδίως ὄνομα λέγεται, καὶ τὸ ἐφ’ ἅπαντα τὰ τοῦ λόγου στοιχεῖα διατεῖνον [2, p. 25], «Боэций говорит, что «имя» имеет два значения: одно, в специальном смысле, в котором, оно выступает

существительным, и то, которое распространяется на все элементы речи (λόγος)».

Таким образом, сложность заключается в том, что греческое ὄνομα, понятое грамматически, является противоположностью ῥῆμα, во всяком случае, ῥῆμα не будет, с логической точки зрения, подчиненным понятием к ὄνομα. Оба указанных термина являются соподчиненными более общему родовому понятию «части речи». В то время, как ὄνομα, понятое в общем смысле этого термина, включает в себя и область ῥῆμα, являясь его родовым понятием, а не соподчиненным ему. Вообще, это затруднение широко обсуждалось комментаторами Аммонием, Олимпиодором, Давидом (Элием), Боэцием. [6, р. 115]. Для устранения этого затруднения, очевидно, необходима семантическая дифференциация термина ὄνομα на узко-грамматическую, отражающую определенную *часть речи* и общую.

Таким образом, имеем:

- 1) ὄνομα₁ – термин, означающий «имя существительное»,
- 2) ὄνομα₂ – термин, означающий «имя».

Следовательно, ὄνομα₁ в диаграммах Эйлера – Венна будет соподчиненным понятию ῥῆμα, в то время, как ὄνομα₂ будет родовым понятием как по отношению к ῥῆμα, так и ὄνομα₁.

Особое значение приобретает логико-семантическая реконструкция десигнативных уровней языковых единиц в учении Порфирия-Аристотеля. Проблема идентичности именной части омонимических выражений решается дифференциацией функций именных терминов. Однако, говоря о «различии» смыслов, комментаторы «Категорий» отмечали концептуальную трудность, связанную с тем, что предмет погружается в *понятие смысла*, имеющее чрезвычайно многозначный характер. Все-таки Аристотель был логиком, а не ритором, поэтому проблему смысла языковых выражений он связал с устойчивой *сущностью* десигнативно-денотативного уровня слова.

Один из ключевых вопросов здесь – почему для определения омонимии необходимо ссылаться на сущность десигната / денотата имени? Причем,

апелляция идет не просто к сущности, но к *логосу сущности* (ὁ λόγος τῆς οὐσίας). Какую функцию в определении омонимов играет апелляция к ὁ λόγος τῆς οὐσίας? Не является ли достаточным простого указания на различие в десигнативно-денотативной функции омонимических выражений? Эта проблема отражена в одном из вопросов Порфирия: «вы правильно показали не только то, что фраза, «соответствие имени» обязательно принадлежит к определению омонимов, но и то, что определение вещи не может быть признано полным, если ее *логос к сущности* не указан в соответствии с названием. Но почему же он (Аристотель, *прим. авт.*) добавил еще и *логос сущности*? Не достаточно ли ему было просто указать, что понимание соответствующего имени отличается?» [1, р. 64]. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо решить трудности, связанные с толкованием терминов ὁ λόγος τῆς οὐσίας по-отдельности.

Порфирий, столкнувшись с дефинитивными трудностями понятия λόγος, в контексте описания десигнатов слов языка вычленяет в его семантике несколько различных уровней:

- 1) суждение на основе вычислений (λόγος καὶ ψηφιστικός),
- 2) суждение и понимание на основе *внешней речи* (λόγος καὶ προφορικός),
- 3) *внутреннего рассуждения* (λόγος καὶ ἐνδιάθετος),
- 4) телеологически-порождающего логоса (λόγος καὶ σπερματικός) [1, р. 65].

Указанные дистинкции Порфирия дополняются новыми разновидностями рассматриваемого понятия: «еще одно значение логоса связано с определением (ὁ ὄρος), то есть с ограничивающим дефинитивным суждением (ὁ λόγος ὁ ὀριστικός)» [1, р. 65]. Порфирий вводит общий термин для отражения / понимания сущности «λόγος τῆς οὐσίας». Понятие ὀριστικός λόγος, на наш взгляд, здесь выражает разделительно-дефинитивное полагание границ (от ἡ ὀρία – граница) предмета, проще говоря, *полагание определенности* предметного целого.

Как мы помним, Порфирий составил свой вопросно-ответный комментарий на «Категории» Аристотеля в контексте с «Исагоге», адресованным Хрисорию и утерянным развернутым «комментарием» на «Категории» к Гедалу. Вопросно-ответный комментарий тирского ученого является упрощенной сократически-эротетической версией комментария на «Категории», который писал Порфирий. Упрощенность здесь выражается в присутствии множества примеров рассматриваемых вопросов для начинающего читателя. Так, природу омонимии в контексте ὀριστικὸς λόγος и, в целом, в рамках ὁ τῆς οὐσίας δηλωτικὸς λόγος, Порфирий иллюстрирует примером из обращения древнегреческих монет разной стоимости, но имеющих *одну именную функцию*: «например, так как есть бронзовые и серебряные драхмы, а также золотые, то, если кто-то говорит: ‘δραχμὴν δός μοι’, “Дайте мне драхму”, он спрашивает что-то неясное (ἄδηλόν τινα λέγει), в то время, когда кто-то, говорит: “Дайте мне золотую драхму”, уточняет вид предмета, который он желает получить от других. Кроме того, так как понимание / мышление имеет несколько значений, если кто-то говорит “логос к сущности” (λόγος ὁ τῆς οὐσίας), то здесь добавление слова “сущности” (τῆς οὐσίας) указывает на то, что имеется в виду определительное понимание предмета (ἐδήλωσεν τὸν ὀριστικὸν λόγον). Таким образом, дефинитивно-полагающий логос, который соответствует названию и пониманию, раскрывающего сущность, должен быть различным для каждого из членов класса одноименных вещей» [1, р. 65].

Особенность приведенных дистинкций, на наш взгляд, заключается в том, что Порфирий, по сути, развивает логико-семантическое учение о предметном и смысловом аспектах имени. Говоря о видах омонимов, Порфирий приводит когнитивно-онтологическую дифференциацию, выделяя два вида, основанный на случайности – ὧν ὁ μὲν ἐστὶν ἀπὸ τύχης (онтологический фактор), и омонимы, основанные на деятельности мышления – ὁ δὲ ἀπὸ διανοίας (когнитивный фактор). Последние составляют три вида:

- 1) по сходству (τὸν καθ' ὁμοιότητα),
- 2) по аналогии (ἐκ τῆς ἀναλογίας),

3) омонимы, образующиеся относительно предметов генетически связанных с *одним источником* (τὸν ἀφ' ἑνὸς καὶ πρὸς ἓν οἱ πάντες ἔσονται τρόποι).

В качестве *омонимов по случаю* Порфирий приводит эмпирические положения, которые не определяются операциями мысли, а, скорее, являются фактическими дескрипциями обстоятельств: Ἄ ὡς ἔτυχεν καὶ ἀνεπιστάτως διάφορα πράγματα τῆς αὐτῆς ἔτυχε προσηγορίας [1, р. 65]. Выражение ἀνεπιστάτως буквально означает «неосознанно», в том смысле, что, например, имя Александр может иметь несколько различных референтов – Александра, сына Приама и Александра, сына Филиппа Македонского. В том, что два разных объекта обладают одной и той же именной функцией, нет никакого преднамеренного умысла, интенции и вообще, *мысли* как таковой. Два разных индивида обладают одним именем в силу фактических, случайных обстоятельств. Этот вид омонимов отражает онтологическую случайность факта.

Другой вид омонимических выражений основан на деятельности мышления и его операциях (сходство, метафоры, аналогии и т.д.): ὅταν φέρε ἄνθρωπον τε προσαγορεύσω τὸ ζῶον λογικὸν θνητὸν καὶ εἰκόνα ἀνθρώπου, ὅταν ἰδὼν λέγω ὅτι ἄνθρωπος τοῦτο, т.е. «представим себе, что понятие «человек» используется одновременно как для обозначения «разумного смертного животного», так и для указания на картину с изображенным человеком» [1, р. 65]. Таким образом, мы имеем разные десигнативно-денотативные функции имени «человек», среди них предметная и иконическая (εἰκόνα):

- 1) человек₁ τὸ ζῶον λογικὸν θνητὸν,
- 2) человек₂ καὶ εἰκόνα ἀνθρώπου.

В данном случае омонимичность, по Мнению Порфирия, организована мышлением и его операциями.

Порфирий развивает тему, указывая на омонимичность понятия *начала* (источника). Так, монада – источник для единицы, точка – начало линии, ручей – начало реки, сердце – начало жизни [1, р. 65]. Обобщая все указанные случаи,

Порфирий заключает: τὸ τῆς ἀρχῆς ὄνομα ἐπὶ ὁμώνυμων ταπτόμενον ἐκ διανοίας ἂν εἶην κατὰ ἀναλογίαν πᾶσι τούτοις κοινὸν τοῦτο θέμενος ὄνομα, т.е. «мы применяем здесь понятие омонимии, поскольку полагаем (мыслим) что это аналогичные предметы» [1, р. 65]. Очевидно, что генетически-порождающая функция «начала» во всех указанных случаях разная. Как на уровне экстенсионалов, так и интенсионалов генеративная функция *точки* для построения линии (совокупности точек), принципиально отличается от биологической функции сердца для «порождения» жизни, так и от физико-геодезических особенностей образования рек. Однако во всех случаях мы включаем в *десигнативно-интенциональную* функцию некоторый *общий признак* «порождать». Именно на этой операции мышления и держится, согласно Порфирию, омонимичность указанных примеров.

Интересно, что Порфирий использует аналогию исключительно как *геометрический метод*, ὁ δὲ τοιοῦτος λόγος τῆς δεῖξεως κατὰ ἀναλογίαν λέγεται παρὰ τοῖς γεωμέτραις, «то, что называют аналогией геометры» [1, р. 66].

Продолжая свое логическое исследование, Порфирий рассматривает третий тип омонимии, *связанный с мыслью* – происхождение денотатов из одного источника (τὸ ἀπὸ τινος ἐνὸς κοινῆν διαφόροις πράγμασι προσηγορίαν γενέσθαι). Порфирий приводит иллюстрацию из медицины, где предметы, выполняющие различные прагматические функции, принадлежа к общей предметной области, получают *идентичные именные функции*. Например, τὸ τε βιβλίον ἰατρικὸν, τὸ τε φάρμακον καὶ τὸ σμῖλίον, *медицинская книга, медицинское лекарство, медицинский нож* (скальпель).

Весьма неожиданно, что указанный тип также относится Порфирием (в след за Аристотелем) к явлению омонимии. С точки зрения современной логической семантики, указанные понятия являются общими, обладающими общими признаками. Прилагательное ἰατρικὸν «медицинский» в отношении скальпеля и лекарства выполняет различную предметную функцию. Общим, однако, является указание на принадлежность к *родовому* классу предметов. У трех множеств «медицинская книга», «медицинский скальпель» и

«медицинское лекарство», признак «медицинский» отражает родовые свойства предметов (совпадающие у всех подчиненных понятий), что, с точки зрения логики, не является случаем омонимии.

Список литературы:

1. *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. 4.1 (Porphyry). Ed. Busse, A. Berlin: Reimer, 1887.
2. *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. 8 (Simplicius). Ed. Kalbfleisch, K. Berlin: Reimer, 1907.
3. Irwin T. Homonymy in Aristotle // *The Review of Metaphysics*. 1981. Vol. 34. №. 3. P. 523-544.
4. Malcolm J. Semantics and Self-Predication in Plato // *Phronesis*. 1981. Vol. 26. №. 3. P. 286-294.
5. Shields C. *Order in Multiplicity Homonymy in the Philosophy of Aristotle*. Oxford, 2009.
6. Simplicius. *On Aristotle Categories 1-4 / Translated by Michael Chase*. Bloomsbury Academic, 2003.
7. Tarán L. Speusippus and Aristotle on Homonymy and Synonymy // *Hermes*. 1978. № 106. P. 73-99.

Сведения об авторе:

Гарин Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, сотрудник Института «Метамодерн» (Осло, Норвегия).

Data about the author:

Garin Sergey Vyacheslavovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department, Kuban State University; Staff Scientist of Metamodern Institute (Oslo, Norway).

E-mail: svgarin@gmail.com.